

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

И тётушки кровавые в глазах

Пермский ТЮЗ продолжает линию инсценировок русской классической прозы

Юлия Баталина

Замысел поставить «Преступление и наказание» Достоевского возник у руководства Пермского ТЮЗа и режиссёра Артёма Терёхина, можно сказать, вынужденно: планировалась постановка по новой пьесе Николая Коляды, но в разгар репетиций выяснилось, что спектакль «не идёт». Решение отменить премьеру делает честь молодому режиссёру: до сих пор все попытки театра работать с «новой драмой» были не особенно успешными; иное дело — русская классика, тут у ТЮЗа все козыри.

Артём Терёхин как раз перечитывал Достоевского и вовремя понял, что роман хорошо «ложится» на труппу. В этом он оказался прав: практически все актёры в своих ролях — как родились. Актёрские достоинства премьеры бесспорны, всё остальное вызывает вопросы.

Спектакль с одним антрактом идёт почти четыре часа. Это бы ничего: длинные спектакли вполне имеют право на существование, если эта продолжительность художественно оправдана. Здесь же налицо очевидные драматургические просчёты: смысловые повторы, длинные монологи, потеря динамики. Кажется, что автор инсценировки Станислав Вальковский не вполне осознаёт, что театральная пьеса — это не просто разбивание прозаического текста на диалоги, а совершенно особое литературное произведение. Хороший редактор здесь не помешал бы.

Воплощение этой инсценировки вызывает ещё больше недоумения. Спектакль заявлен как «вневременной», не привязанный к конкретному историческому периоду — вполне зарекомендовавший себя приём, но здесь он выглядит как оправдание безудержной эклектичности постановки, какого-то невероятного стиливого разноречия.

Костюмы смотрятся так, как будто не создавались специально для нового спектакля, а были собраны по театраль-

ным закромам и секонд-хендам. Видео-проекция, заменившая собой декорации, неизобретательна — петербургский пейзаж, обои в цветочек, книжные полки в кабинете следователя — и с точки зрения изобразительного искусства ничем не примечательна. Зато, как утверждают источники в театре, удалось сэкономить средства, поскольку не пришлось тратить на изготовление декораций.

Эта печать бедности стоит на всей постановке и вовсе её не украшает.

Но если в отношении сценографии разноречивой хотя бы объясним, то этого не скажешь о стилистике режиссуры. Она столь же эклектична и неряшлива, но здесь уже на бедность не сошлешься. Зачем-то ни с того ни с сего звучит...

«Преступление и наказание» в ТЮЗе продолжает сильную репертуарную линию этого театра, связанную с инсценировками классической прозы, но, увы, не дотягивает до её лучших образцов

песня Григория Данского, никак не связанная ни с действием спектакля, ни со смыслами романа Достоевского. Почему-то Замётов в исполнении Ивана Донца необъяснимым образом превращается в Чёрта из «Братьев Карамазовых». Донец, конечно, хороший Чёрт, но при чём тут писмоводитель Замё-

Алёна Ивановна готова. Лизавета на очереди

тов? Он никак с чертовщиной не связан...

И, конечно, ярко-розовые брызги «мозгов» из голов убитых сестёр Алёны Ивановны и Лизаветы, застывших в момент убийства в нелепых

вое действие спектакля стильным комическим перформансом. Жаль, режиссёру этот персонаж так приглянулся, что он им начал злоупотреблять: смешная Амалия Ивановна то и дело появляется на сцене, не попадая лопоча на своём ломаном русско-немецком суржики.

Прочие актёры тоже хороши, вплоть до исполнителей самых маленьких ролей, и создают прекрасный ансамбль.

Есть лишь два исключения. Мармеладов в единственном диалоге с Раскольниковым произносит свою душевную исповедь так гладко и неэмоционально, без единой паузы, словно старается сказать: «Я актёр. Текст вот выучил и говорю тут без запинки». Даже странно, что это приходится говорить о Дмитрии Юркове, опытном артисте, умеющем быть ярким на сцене.

Ну и, как это ни печально, симпатичная Анна Демакова совсем не создана для роли Дуни Раскольниковой. Вместо простодушной деревенской девушки на сцене несгибаемая суфражистка.

«Преступление и наказание» в ТЮЗе продолжает сильную репертуарную линию этого театра, связанную с инсценировками классической прозы, но, увы, не дотягивает до её лучших образцов, таких как «Отрочество» Толстого в постановке Владимира Гурфинкеля или спектакли художественного руководителя театра Михаила Скомогорова («Господа Головлёвы» Салтыкова-Щедрина, «Чонкин» по Владимиру Войновичу, «Охота жить!» по рассказам Шукшина).

Думается, «Преступление и наказание» можно рассматривать как полуфабрикат удачного спектакля. В нём есть основа — крепкая, живая актёрская игра. Всё прочее можно улучшить, если начать с драматургии. Только вряд ли за это возьмётся Артём Терёхин: он покидает Пермский ТЮЗ, поскольку принял предложение стать главным режиссёром в театре «Тильзит» в Советске Калининградской области.

Станиславу Щербинину (Раскольников) удалось открыть в себе настоящие бездны